

К примеру, при глаголах движения в одном и том же значении отмечено по три конструкции в д. Понизовье и Хомино Руднянского района, д. Понятровка Шумячского района, по четыре конструкции в д. Блинные Кучи Ершичского района, Черепово Хиславичского района, Русское Шумячского района.

Спорадически на исследуемой территории встречаются архаичные, реликтовые конструкции. Такие конструкции встречаются в составе почти всех синтаксических полей, но больше реликтовых явлений сохранилось в поле субъекта.

Характеристика синтаксического уровня описанной переходной русско-белорусской зоны отражает результат предшествующего дивергентно-конвергентного развития этой зоны. Синтаксический материал, несмотря на свою специфику, подтверждает предположение тех ученых, которые считают, что новые языки возникают не в процессе распада первичных языков, а являясь продуктом предшествующего дивергентно-конвергентного развития. Одним из первых такое предположение высказал в свое время И. А. Бодуэн де Куртене, затем Н. С. Трубецкой, а в настоящее время эта точка зрения становится все более и более популярной¹². Образование переходных языковых зон происходит также в результате сложных дивергентно-конвергентных процессов¹³.

¹ См. карту «Территория кривичей смоленских в VII—X вв.», помещенную В. В. Седовым в кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 242.

² Фактически изучение сравнительно небольших языковых зон — возвращение к истокам лингвистической географии (карта Срезневского-Геденова).

³ Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. IX. М., 1956. С. 124.

⁴ Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980. С. 70—115.

⁵ Расторгуев П. А. Говоры на территории Смоленщины. М., 1960; Иванова А. И. Особенности управления некоторых глаголов в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1961. Новая серия. Вып. 1.

⁶ См. также: Лінгвістычная геаграфія і групы беларускіх гаворак. Мінск, 1968. С. 183—185, 189—190; Блінава Э., Мяцельская Е. Беларуская дыялекталогія. Мінск, 1969. С. 163—164.

⁷ Определение синтаксического поля дано автором в журнале: *Вестник БДУ имени У. И. Ленина*. Серия 4. 1987. № 1. С. 26—27.

⁸ Подробнее о поле предиката и субъекта см.: Прохорова С. М. Синтаксические поля предиката и субъекта в Смоленских говорах // *Вестник БДУ имени У. И. Ленина*. Серия 4. 1987. № 3.

⁹ Подробнее см.: Прохорова С. М. Синтаксическое поле объекта в говорах Смоленщины // *Вестник БДУ имени У. И. Ленина*. Серия 4. 1987. № 1.

¹⁰ О синтаксических балтизмах на рассматриваемой территории см.: Прохорова С. М. Изучение диалектного синтаксиса славянских языков методом лингвистической географии // Советское славяноведение. 1986. № 3; Она же. О так называемых «синтаксических балтизмах» в восточнославянских говорах // *Kalbotyra*. 1987. Т. 38 (2); Она же. О так называемых «синтаксических балтизмах» // *Baltistica*. 1988. XXIV (1).

¹¹ Подробнее см.: Прохорова С. М. Сложное предложение в говорах Смоленщины // Русский язык: Межведомственный сборник. Минск, 1987. Вып. 7.

¹² См.: Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков // *ЖМПН*. 1901. № 337.

¹³ Теоретически эту идею разрабатывает американский славист Х. Бирнбаум, подробно изложивший разные точки зрения в статье: Бирнбаум Х. Славянская пра-родина: новые гипотезы (с замечками по поводу происхождения индоевропейцев) // *Вопр. языкознания*. 1988. № 5.

Б. Ю. НОРМАН, А. ГУГХРАБУ

К ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ

Местоимения представляют собой чрезвычайно своеобразный класс языковых единиц, и важнейшая теоретическая проблема, которая встает здесь перед исследователем, — это проблема описания их семантической сущности. Некоторые ученые считают, что основное отличие местоимений от знаменательных слов состоит в том, что последние выражают понятие, а первые такой способностью не обладают¹. В этом случае лексическое значение местоимений сводится к отсылке к однозначному

имени или, по-другому, оно заключается в опоре на ситуацию, контекст. Однако, обобщая практику употребления местоименных слов в речи, мы убеждаемся, что они имеют свое значение и до ситуации (или «вне ситуации»), и это значение отнюдь не сводимо к чистому указанию, к жесту. Достаточно, с одной стороны, обратить внимание на лексикографическое определение местоименных слов (например: *некто* — «один человек», *этот* — «близкий в пространстве или во времени; только что упомянутый; известный», *я* — «самоназвание для говорящего» и т. п.), а с другой стороны, вспомнить, что многие существительные или прилагательные аналогичны местоимениям по своей обобщающе-отсылочной семантике (ср. такие слова, как *дело* или *штука*, *указанный* или *соответствующий*), — и само противопоставление знаменательных и прономинальных слов по признаку наличия или отсутствия понятия кажется уже не столь очевидным. Может быть, правильной было бы здесь утверждать, что в основе значения местоимений тоже лежат понятия, но эти понятия — более высокого уровня абстракции, чем тот, который свойствен «типичным» именам, — это тот уровень, где лексическое значение достигает категориальной обобщенности (и тем самым смыкается с грамматическим). Здесь же следует оговорить, что за выражаемым понятием у местоимений стоит не класс внеязыковых референтов, как в нормальном случае у знаменательных слов, а языковой конструкт, находящий себе в речи соответствие в реальном денотате.

Вопрос о лексическом значении местоимений тесно связан с вопросом об их речевых функциях. В литературе уже давно ведутся споры о том, как правильной определять роль местоимений: заменяют ли они имя, указывают ли на него или только соотносятся с ним (да и то не во всех случаях)². В свете современных исследований можно утверждать, что семантическая сущность местоимений образуется пересечением нескольких функций: дейктической, субститутивной, коммуникативной, прагматической и т. д. Причем для конкретного разряда местоимений свойствен тот или иной набор функций, с той или иной функциональной доминантой. Скажем, для относительных местоимений, отсылающих к имени в соседнем предложении, важнейшей, очевидно, является субститутивная функция; личные местоимения служат прежде всего целям построения коммуникативного акта; функциональная сфера указательных местоимений (в рамках простого предложения) — это главным образом дейксис как таковой и т. д. При таком комплексном, широком подходе к семантике местоимений вполне естественно находить признаки «местоименности» не только у наречий типа рус. *где, когда, негде, незачем, там, потому* и т. д., но и у некоторых существительных (*дело, предмет, вещь, штука, человек...*) или прилагательных (*данный, соответствующий, указанный, другой, подобный...*)³. Возможно, и в рамках «классических» местоимений следует говорить о более типичных и менее типичных представителях данной части речи.

Для того, чтобы лучше изучить функции, выполняемые местоимениями в тексте, нами был проведен психолингвистический эксперимент. Испытуемым — носителям русского языка в возрасте от 18 до 48 лет, преимущественно со средним специальным или высшим образованием в области естественных наук (химия, биология, медицина), — был предъявлен машинописный текст с заданием: «Прочитайте текст и вставьте на пустые места (в скобках) слова, подходящие по смыслу». Количество испытуемых — 30 человек, время, отводимое на выполнение задания, — 25—30 минут.

Текст представлял собой отрывок из романа Ф. Абрамова «Братья и сестры» (конец VIII главы, по величине — неполные две страницы книжного текста). Он состоит из 513 словоупотреблений, в том числе 56 местоимений. При подготовке текста к эксперименту (перепечатке) все местоимения были опущены и вместо них поставлены скобки с достаточными по величине пробелами. Приведем для иллюстрации начало отрывка (примерно четвертую часть всего экспериментального текста).

Варвара нехотя поднялась вслед за ( ). ( ) не скрывала ( ) разочарования. Лицо Варвары вытянулось, в глазах на мгновение мелькнула не то досада, не то презрение, но в следующую секунду ( ) уже снова играли многообещающей улыбкой. ( ) не могло надолго омрачить ( ) душеньку. ( ) и война-то, казалось, обошла стороной, да Варвара и ( ), как видно, не очень-то интересовалась ( ), не лезла, подобно другим, с дотошными расспросами.

( ) стояла перед ( ) молодая, свежая, зазывно и в то же время смиренно глядя ( ) в глаза.

( ), как пьяный, боясь оглянуться назад, побрел на дорогу.

— Пойдете обратно, приворачивайте. Домик-то ( ) светленький видали в верхнем конце? — напутствовала ( ) Варвара.

Методика эксперимента апробирована и достаточно хорошо известна в психолингвистике. Имелось в виду, что испытуемые, просмотрев текст (или хотя бы его начало), ознакомятся с его содержанием и представленными в нем персонажами. А затем они должны были заполнить искусственно созданные пробелы, восстановить недостающую информацию, находящуюся в непосредственной связи с общим смыслом отрывка. При этом, однако, необходимо было соблюдать и какие-то грамматические правила, ибо основная часть структуры высказываний уже была задана.

Нас интересовало, какую роль играют местоимения в смысловой структуре высказывания и целого текста, насколько полно человек способен воспринимать текст в отсутствие местоимений (т. е. в какой степени те участвуют в понимании текста) и в какой степени угадываются местоимения конкретных разрядов — с учетом того, что они должны гармонично включаться в лексический состав и синтаксическое строение предъявленных испытуемым высказываний.

В результате эксперимента получены весьма разнообразные ответы, которые оказалось возможным свести к некоторым типам. Таких типов мы выделили 10. Охарактеризуем их.

Тип 1: в ответе вставлено местоимение, при этом точно угадан разряд, конкретное слово (лексема) и его грамматическая форма. Например, словоформа *ним* в первом предложении текста.

Тип 2: вставлено местоимение, при этом угадан разряд (личные, указательные и т. п.), но не угадано конкретное слово. Например, вместо *ним* вставлено *мною*.

Тип 3: вставлено местоимение, угадан разряд и конкретная лексема, но не в той грамматической форме. Например, в каких-то предложениях вместо *себя* вставлено *о себе*, или *их* вместо *им* и т. п.

Тип 4: вставлено местоимение, но не угадан разряд. Например, вместо *свой* вставлено *тот*.

Тип 5: вместо местоимения вставлено имя: нарицательное существительное, прилагательное, числительное. Например, вместо *он* вписано *батюшка* или в контексте «...каким он давно уже не чувствовал себя» вместо *себя* вставлено *усталости*.

Тип 6: вместо местоимения вставлено имя собственное — имя персонажа, упомянутое в тексте (*Варвара*, *Лукашин*).

Тип 7: вместо местоимения вставлено имя собственное, не упомянутое в тексте и не соответствующее смыслу последнего (*Алеша* и т. п.).

Тип 8: вместо местоимения вставлено слово другой (неименной) части речи: глагол, наречие, союз и т. п.

Тип 9: испытуемым в скобках ничего не вставлено.

Тип 10: прочие случаи, не поддающиеся однозначному толкованию. Сюда, например, относятся ситуации, когда испытуемый вставлял на место пробела несколько слов.

Результаты статистической обработки полученных данных отражены в таблице 1 (первая графа — № типа по нашей классификации, вторая — абсолютное количество случаев, третья — та же величина в процентном отношении к общему количеству ответов).

Таблица 1

Типы ответов	Ответы	
	количество	%
1	996	60,36
2	35	2,12
3	91	5,51
4	19	1,15
5	132	8,00
6	142	8,60
7	11	0,66
8	54	3,27
9	127	7,69
10	43	2,61
Итого:	1650	100,0

Как видно из таблицы, в большинстве случаев (примерно в 70 %) на месте пробела вставлялись местоимения. Причем чаще всего угадывался не только разряд местоимений, но конкретное слово в его конкретной форме (тип 1, по нашей классификации).

В других случаях (их в общей сложности около 20 %) испытуемые заменяли местоимения, представленные в оригинальном тексте, словами иной лексико-грамматической характеристики, в частности, подходящими по смыслу именами (субститутами которых и должны были служить в тексте местоимения).

Так, вместо личных местоимений *он* и *она* испытуемые довольно часто вставляли имена собственные *Лукашин* и *Варвара* (тип 6). Это объясняется тем, что читатель стремился конкретизовать, представить в качестве актуальных описываемые события и персонажи. При этом сами условия эксперимента искусственно ограничивали, замыкали рамки текста, и испытуемого не волновала ни проблема внутренней связанности текста, ни возможность его включения в большее литературное произведение (для чего, как известно, также широко используются местоимения).

Подобными факторами обуславливались действия испытуемых и тогда, когда они вместо пропущенных местоимений вставляли имена нарицательные, а также слова иных частей речи, в большей или меньшей мере мотивированные непосредственным контекстом. Скажем, в предложении «После этого он в течение недели выступал с докладами в районном клубе...» вместо опущенного местоимения *этого* встречалась вставка существительного *собрания*. Читатель не без труда восстанавливает описываемую ситуацию, однако при этом он опять-таки стремится к конкретности составляющих ее элементов.

В некоторых случаях испытуемые, которым были известны персонажи, действующие в тексте (так как они предварительно знакомились со всем отрывком), тем не менее, стремились усложнить ситуацию за счет введения новых (не предусмотренных в оригинале) действующих лиц — таких, как: *Иван*, *батюшка*, *сосед* и т. п. Конечно, легче всего объяснить такие действия торопливостью читателя, его недостаточно внимательным знакомством с текстом. Но у них есть и другая причина: испытуемый стремился как бы внести свою лепту в развитие событий. Сама постановка эксперимента предполагала, что читатель становится своего рода соавтором текста, получал право на реализацию своей доли фанта-

зии, хотя одновременно это свидетельствует, наверное, и о недостаточной смысловой цельности экспериментального отрывка.

Обратимся теперь к распределению местоимений по разрядам в оригинальном тексте и в полученных ответах. В исходном отрывке из романа Ф. Абрамова употреблено 56 местоимений, в том числе 31 личное, 8 притяжательных (включая возвратно-притяжательное *свой*), по 4 — относительных и определительных, 3 вопросительных, по 2 указательных и возвратно-личных, по 1 отрицательному и неопределенному.

Испытуемые вписывали на место пробелов различные лексемы, в том числе, случалось, вместо личного местоимения вставлялось указательное или вместо указательного — притяжательное и т. п. Однако в целом полученное соотношение местоимений по разрядам оказалось весьма близким к исходному. Всего в ответах было вставлено 1191 местоимение, а их распределение по разрядам отражено в таблице 2. Первая графа в

Таблица 2

Разряд местоимений	Вставки	
	количество	%
Личные	614	51,55 (55,35)
Притяжательные	184	15,44 (14,28)
Указательные	127	10,66 (3,57)
Относительные	126	10,57 (7,14)
Определительные	62	5,20 (7,14)
Возвратно-личные	31	2,60 (3,57)
Вопросительные	30	2,51 (5,71)
Отрицательные	11	0,92 (1,78)
Неопределенные	6	0,50 (1,78)
Итого:	1191	100,00

ней — абсолютное количество местоимений в ответах испытуемых, вторая — та же величина в процентном отношении к общему числу вставленных местоимений. Для сравнения в скобках приведен удельный вес данного разряда местоимений в оригинальном тексте.

Прокомментируем цифровые данные. Прежде всего следует подчеркнуть особую значимость личных местоимений — без них нормальный русский текст вообще не может быть построен. Не случайно, по свидетельству «Частотного словаря русского языка» под редакцией Л. Н. Засориной, все личные местоимения входят в двадцатку самых частых слов русского языка. И в данном случае более половины всех местоименных словоупотреблений приходится на долю этого разряда.

Далее, заслуживает внимания представленное в таблице расхождение в удельном весе указательных местоимений: в ответах испытуемых их доля заметно выше, чем в оригинальном тексте. По-видимому, это объясняется тем, что в избранном отрывке из романа Ф. Абрамова указательные местоимения встречались реже, чем это свойственно вообще русским текстам. (По данным того же «Частотного словаря», употребительность указательных местоимений в русском языке очень высока — она уступает только употребительности личных местоимений: слова *это*, *этот* находятся во втором десятке частотного словника, *то* входит в третий десяток, *тот* и *такой* — в четвертый...) Представление о высокой частотности указательных слов, заложенное в языковом сознании испытуемых, реализуется в ходе эксперимента: читатели как бы исправляют допущенную писателем «несправедливость».

Наконец, отмечается некоторое снижение в ответах доли вопросительных, отрицательных и неопределенных местоимений. В сумме они составляют 3,93 % местоименных вставок по сравнению с 9,27 % в оригинальном тексте. Данная особенность объясняется уже указанной психологической причиной: испытуемые стремились конкретизировать текст, актуализировать его содержание, а указанные разряды местоимений по своей природе не способствуют этому. Можно даже утверждать, что сама методика эксперимента (формулировка задания, условия его выполнения) оказывалась не вполне объективной по отношению к перечисленным разрядам слов; это подтверждает выдвинутый тезис о многообразии речевых функций местоимений.

В данном контексте стоит специально упомянуть об одном из факторов, влиявших на угадываемость местоимений испытуемыми. Если в оригинальном тексте рядом находились два местоимения, то в экспериментальном, соответственно, «сталкивались» два пробела. И это создавало дополнительные трудности для участников эксперимента. (Большая часть незаполненных пробелов — тип 9 по нашей классификации, см. таблицу 1 — приходится именно на данный случай.) Очевидно, что здесь наряду с общепсихологическими факторами (неопределенность какой-то части отражаемой ситуации как бы возводилась в квадрат) действовали и собственно синтаксические: испытуемые не получали обычной помощи от заданной структуры фразы, ибо какие-то ее позиции оставались неизвестными, а сама модель — неопределенной.

В целом же экспериментальное исследование местоимений позволяет полнее описать их функции и то место, которое они занимают в структуре русского языка.

¹ См.: Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 69—70.

² См., например: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 255 и далее. Зарецкий А. И. О местоимении // Русский язык в школе. 1940. № 6. С. 22; Левицкий Ю. А., Шамова Т. А. Указатели ситуации местоимения. Пермь, 1985. С. 12—13 и др.

³ См.: Большова Ю. В. О синсемантической местоимений // Проблемы семантики. М., 1974. С. 156—157.

М. О. ЛОЙКО

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ И АКТИВНОСТИ

Понятийная категория активности/неактивности в высказываниях, где функцию предиката выполняют имена прилагательные, обладающие признаком в большой степени (интенсивности), отражает тот факт, что типовым ее соответствием в строе языков является подлежащее, выраженное именительным падежом. С точки зрения выделения категориальных значений на основе синтаксических связей в рамках отдельного высказывания подлежащее обычно отождествляется с понятием субъекта. Помимо формы именительного падежа субъект соотносится и с другими средствами выражения, например, с винительным падежом в пассивных конструкциях, дательным падежом в безличных структурах. Следствием указанного положения является различное синтаксико-семантическое содержание субъекта. Он воспринимается то как носитель признака (состояния), то как активно действующая сущность. Разграничение этих значений определяется в большой мере наличием в структуре объекта и его категориально-семантической принадлежностью.

Высказывания, не имеющие в своей структуре объекта, указывают на состояние, в котором находится лицо, представленное в субъективной позиции. Состояние представлено как существующее независимо от воли, усилий со стороны субъекта. Объективным доказательством отсутствия сознательной воли субъекта с целью поддержания предикативного признака является несочетаемость предикатов с выражениями, ука-